

**Федеральный научно-
исследовательский
социологический центр РАН
Социологический институт РАН**

**Российская ассоциация
политической
науки**

**Российское общество
социологов**

**Санкт-Петербургская
ассоциация социологов**

Семнадцатый Всероссийский семинар

**«СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ
ИНСТИТУТОВ ВЛАСТИ В УСЛОВИЯХ
РОССИЙСКОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ»**

25-27 октября 2018 года

Программа

**Санкт-Петербург
2018**

Программа семинара

25.10.2018. Четверг

10:00-10:20. «Организационная раскочка»

10:20-10:30. Приветствие

10:30-12:10. Сессия «Власть в этнополитическом измерении»

Ведущий: *Завершинский Константин Федорович*

Выступления:

Ачкасов Валерий Алексеевич. Этнополитика в Санкт-Петербурге: политические практики и институциональные ресурсы управления

Карбаинов Николай Иванович. Идеология 1552 года в постсоветском Татарстане: версия элит и массовые представления

12:10-12:20. Кофе

12:20-14:40. Сессия «Формирование элит: выборы»

Ведущий: *Ачкасов Валерий Алексеевич*

Выступления:

Корниенко Алла Владимировна. Предвыборный партийный дискурс в метафорическом измерении

Куприянов Алексей Валерьевич. Большие данные, архивы видеозаписей и электоральные биографии: три предложения по изучению "загадочного русского избирателя"

Колесник Наталья Владимировна. Политтехнологи в структуре избирательных кампаний российских регионов

14:40-15:10. Обед.

15:10-16:50. Сессия «Рекрутирование муниципальной власти»

Ведущий: *Барсукова Светлана Юрьевна*

Выступления:

Панов Петр Вячеславович. Элитные конфликты в условиях конкурсной модели рекрутирования глав муниципалитетов

Петрова Регина Игоревна. Типы неформальных практик при рекрутировании глав МСУ по конкурсной системе

16:50-17:00. Кофе

17:00-18:40. Сессия «Неформальные практики власти и коррупция»

Ведущий: *Панов Петр Вячеславович*

Выступления:

Барсукова Светлана Юрьевна. Динамика неформальных практик взаимоотношений власти и крупного бизнеса: 1990-е, 2000-е и 2010-е.

Волкова Анна Владимировна. Этика ответственности: антикоррупционная политика и ее восприятие в публичной сфере (на примере регионов Северо-Западного ФО)

26.10.2018. Пятница

10:00-11:50. Сессия «Региональные политические элиты»

Ведущий: *Соловьев Александр Иванович*

Выступления:

Даугавет Александра Борисовна. Институционализация регионального парламента и дискурс власти

Белоусов Григорий Федорович. Влияние профессиональных борцов на политические процессы в Республике Северная Осетия – Алания: к постановке проблемы

11:50-12:00. Кофе

12:00-14:00 Сессия «Властные элиты: теоретический анализ»

Ведущий: *Лапина Наталья Юрьевна*

Выступления:

Гуторов Владимир Александрович. Элиты и образование: опыт политико-теоретического анализа

Мохов Виктор Павлович. А.И.Солженицын как элитист

14:00-14:40. Обед

14:40-17:20. Сессия «Городские режимы и локальные элиты»

Ведущий: *Завершинский Константин Федорович*

Выступления:

Ледяев Валерий Георгиевич. Городские режимы в российских малых городах

Чирикова Алла Евгеньевна. Муниципальная власть: мотивация акторов и паттерны взаимодействия с регионалами

Пустовойт Юрий Александрович. Земля и воля: городские режимы и протестные сообщества в сибирских городах

17:30-20:00. Фуршет

27.10.2018. Суббота.

10:20-12:10. Сессия «Трансформация современных элит»

Ведущий: *Ледяев Валерий Георгиевич*

Выступления:

Соловьев Александр Иванович. Правящая политическая элита современной России: «великий перелом»?

Лапина Наталья Юрьевна. Время Макрона: кто пришел к власти во Франции?

12:10-12:20. Кофе

12:20-15:00. Сессия «Повседневность элит и организация политического пространства»

Ведущий: *Пустовойт Юрий Александрович*

Выступления:

Завершинский Константин Федорович. Политическая повседневность российских правящих элит: символические формы и практики репрезентации

Дука Александр Владимирович. Сообщество элит в пространстве скандала: (случай генерала Золотова)

Римский Владимир Львович. Значимость архаики в политике и государственном управлении России

15:00-15:10. Обед

15:10-17:00 Сессия «Карьеры политической элиты»

Ведущий: *Римский Владимир Львович*

Выступления:

Тев Денис Борисович. Члены правительства РФ: особенности карьеры после отставки

Быстрова Алла Сергеевна. Обновление губернаторского корпуса: отставки и выборы 2018 г.: бассейн рекрутирования и карьеры новых персонажей

17:00-17:10. Закрытие семинара

МЕСТО ПРОВЕДЕНИЯ СЕМИНАРА:

Санкт-Петербург, ул. 7-я Красноармейская, д. 25/14, 5-й этаж, Конференц-зал.

Социологический институт РАН – филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук

Аннотации выступлений участников семинара

В.А. Ачкасов

(факультет политологии СПбГУ)

Этнополитика в Санкт-Петербурге: политические практики и институциональные ресурсы управления

Так называемая «национальная политика» в крупных российских городах преимущественно понимается как патронаж в отношении этнокультурных объединений (национально-культурных автономий). В результате контрагентами чиновников выступает крайне ограниченный круг «национальных лидеров», руководствующихся в своих действиях преимущественно личными амбициями, но выступающих от имени «национальных общин». Несмотря на декларативные заявления власти о необходимости интеграции трудовых мигрантов в городское сообщество, на практике все ограничивается, как правило, культурно-массовыми мероприятиями, призванными демонстрировать этнокультурное разнообразие Санкт-Петербурга. В то же время очень мало делается для формирования российской гражданской идентичности. В целом, интеграционная составляющая ни в одной из городских программ не носит комплексного характера, что в итоге не может гарантировать их высокую результативность.

В то же время, централизация системы федеративного управления в России ставит реализацию эффективной этнополитики в Петербурге в прямую зависимость от политики и ресурсов федерального центра. Выполнение всего комплекса интеграционных мер на городском уровне (особенно в рамках экономической и социальной интеграции мигрантов) не представляется возможным.

С.Ю. Барсукова

(Государственный университет – Высшая школа экономики)

Динамика неформальных практик взаимоотношений власти и крупного бизнеса: 1990-е, 2000-е и 2010-е

Неформальная экономика России менялась на протяжении постсоветского периода. Изменения происходили не только на рубеже эпох Б.Ельцина и В.Путина. Долгий период правления Путина также не являлся статичным. В докладе анализируются отношения власти и крупного бизнеса, сравнивается ситуация 1990-х, 2000-х и 2010-х годов. С изменением финансовых и административных возможностей государства трансформировались неформальные отношения власти и крупного бизнеса. Рост экономики в 2000-е годы, профицит бюджета создали возможности «распила» и «откатов» как основной формы неформального сотрудничества власти и бизнеса. Однако экономические трудности 2010-х годов

резко обострили конкуренцию за доступ к бюджетным ресурсам. Компромат и репрессии стали инструментами такой борьбы. Ключевую роль в государственно-частном партнерстве стали играть «короли госзаказов», которым поручали реализовывать проекты как выгодные, так и убыточные для бизнеса, но важные для власти. Участие в таких проектах было маркером лояльности системе и условием продолжения успешной бизнес-деятельности. Под лозунгом легализации экономики и усиления борьбы с коррупцией были созданы новые неформальные способы подчинения крупного бизнеса.

Г.Ф. Белоусов
(факультет политологии МГУ)

Влияние профессиональных борцов на политические процессы в Республике Северная Осетия - Алания: к постановке проблемы

В современной России существуют неформальные сообщества профессиональных спортсменов, среди которых особенно выделяется сообщество борцов. Двумя ключевыми ресурсами профессиональных борцов являются символический капитал и способность к организованному силовому принуждению. Эти сообщества играют особую роль в регионах Северного Кавказа, нередко выступая в качестве бассейна рекрутирования местных элит. Двумя регионами Северного Кавказа, где деятельность представителей этих сообществ особенно заметна, являются Республика Дагестан и Республика Северная Осетия - Алания.

Исходной точкой доклада является предположение о том, что при построении политической карьеры профессиональные борцы отдают предпочтение органам законодательной власти. Причиной являются как более низкие потери символического капитала при конвертации его в политический, так и психологические особенности борцов.

В докладе представлен анализ степени присутствия профессиональных борцов среди представителей Республики Северная Осетия - Алания в Федеральном Собрании и в парламенте Республики. Приводятся данные об их возрасте, месте рождения, базовом образовании и партийной принадлежности.

На примере трёх профессиональных борцов, представлявших Республику в Федеральном Собрании, анализируются особенности публичной самопрезентации борцов, их дискурс о государстве, а также половозрастная специфика и этническая эксклюзивность демонстрируемых ими связей. Методами анализа являются критический дискурс-анализ и контент-анализ.

А.С. Быстрова
(Социологический институт РАН – филиал ФНИСЦ РАН)

**Обновление губернаторского корпуса: отставки и выборы 2018 г.:
бассейн рекрутирования и карьеры новых персонажей**

В плане (пере)формирования корпуса региональных элит весьма 2018 год оказывается весьма знаменательным. Состоялись отставки ряда губернаторов (продолжая цепь событий 2017 г.). Затем были проведены выборы глав 26 субъектов РФ. В том числе 22 – прямые выборы и четыре – посредством голосования органов представительной власти регионов. Как известно, из прошедших 22 прямых выборов – в четырех потребовались вторые туры. В Приморском крае результаты выборов признаны недействительными. В двух субъектах РФ вопрос о главе региона будет решаться в единый день голосования в 2019 г.

Из 26 глав субъектов РФ из прежнего корпуса сохранили свои властные позиции только четверо – это губернаторы Москвы, Московской области, Чукотского автономного округа и глава Дагестана. Среди новых персонажей, достигших постов глав регионов, встречаются «карьерные» управленцы, выходцы из силовых структур, депутатского корпуса. Биографии и карьерные траектории различны. Оставляя за скобками обстоятельства прихода к власти (неизвестные широкой публике «истинные» мотивы и «планы» политических партий, администрации Президента и прочих политических акторов и субъектов принятия решений) все отчетливее пробивается тенденция омоложения губернаторского корпуса.

А.В. Волкова
(СПбГУ)

**Этика ответственности: антикоррупционная политика и ее восприятие в
публичной сфере (на примере регионов Северо-Западного ФО)**

Распространение элементов бизнес-деятельности и бизнес-отношений, развитие конкуренции и борьба за финансирование, привнесенные в государственное управление в ходе менеджериальных реформ, актуализировали в системе нравственных норм принцип личной экономической выгоды и, как следствие, спровоцировали усиление коррупции. И это не специфическая проблема России, а общемировая тенденция. Ответом на этот вызов стала активность по разработке социальных технологий формирования антикоррупционного климата в обществе, в том числе: пересмотр существующих и создание новых документов этического плана в сфере государственного управления и распространение представлений о государстве как о платформе сотрудничества.

Примером стимулирования формализации этических стандартов в публичном управлении является деятельность организации экономического сотрудничества и развития (OECD), европейская «Белая книга по административной реформе» (2000 г.), построение этической инфраструктуры Евросоюза. В США, где вопрос этических кодексов решался наиболее последовательно, сегодня действуют принятые в 2002 г. «Стандарты этического

поведения для сотрудников исполнительной власти». Они базируются на принципе общественного доверия (public trust) и актуализируют вновь понятие «долг». Этические нормы в большинстве случаев формулируются и применяются по согласию: это результат коммуникационного процесса (свидетельство консенсуса) в определенном социуме, а не только внутри профессиональной группы. Они нацелены на практическое применение и использование теоретических разработок и отличаются стремлением к максимальной конкретизации.

В современной России гражданское общество демонстрирует готовность к ответственному участию в процессах управления публичной политикой как на основе официальной, предложенной государственными структурами повестки дня, так и на основе собственной, альтернативной. Разочарование и неприятие гражданскими активистами формальных механизмов политического участия ведет как к абсентеизму и обращению к политическому фольклору и юмору, так и к развитию форм гражданского участия, росту самоорганизации. Так, к примеру, в 2016-2018 гг. граждане Санкт-Петербурга активно формировали политическую повестку региона, выступая с позиций таких публичных ценностей как справедливость, сотрудничество, солидарность. Активность по формированию собственной, альтернативной повестки дня (протестная модель) часто связывается с борьбой с коррупцией. В Ленинградской области прослеживается ориентация структур гражданского общества на повестку, предлагаемую органами государственной власти и на сотрудничество в рамках формализованных практик. Область не поддержала протестные настроения ближайшего соседа 2016-2018 гг. и сохраняет исключительную лояльность.

Данные социологического опроса (май 2018) показывают, что и в Санкт-Петербурге, и в ЛО граждане воспринимают коррупцию как социальную и нравственную проблему, разрешение которой связано с воспитанием антикоррупционного поведения людей (65-67%). Одна из причин неудач антикоррупционной политики, по мнению респондентов, – отсутствие реального интереса, как среди руководства страны, так и среди рядовых граждан. Подавляющее большинство опрошенных не готово включиться в антикоррупционную борьбу и считает ее опасной, но при этом, борьба с коррупцией декларируется ими в качестве одной из самых важных российских проблем.

Анализ этических кодексов (МСУ, бизнес-структур, ОГИВ), разработанных и принятых в регионах Северо-Западного федерального округа на предмет соотношения декларируемых ценностей, выявляются противоречия в восприятии антикоррупционной активности государства гражданами и представителями бизнес-сообщества.

Сравнительный анализ формируемых платформ сотрудничества (iGrajdanin.ru специализированных групп в социальных сетях и т.п.) в регионах СЗФО и оценка гражданских инициатив с позиций антикоррупционной экспертизы, позволяют утверждать, что процессы выработки и принятия политических решений остаются закрытыми, но власти декларируют принципы открытости и сотрудничества, стремятся делегировать часть ответственности структурам гражданского общества. Вовлекая бизнес и граждан в процессы управления публичной политикой, она, тем самым, стимулирует и антикоррупционную активность. Группы активистов, объединенные в сообщества по «интересам» (например, «Красивый Петербург») не раз демонстрировали

готовность перейти от декларативных заявлений к конкретной деятельности направленной на борьбу с коррупцией в различных сферах общественной жизни. Формируемые институты посредничества (GR структуры, обозначаемые как «отделы, центры или группы «по взаимодействию с органами государственной власти») начинают отстаивать свои позиции на цивилизованном уровне, стремясь минимизировать коррупцию и оптимизировать процесс коммуникации. Важным фактором является взаимовыгодный интерес сторон, а также двустороннее доверие и открытость. Сегодня в качестве ключевой проблемы можно назвать отсутствие общей цифровой среды доверия, поскольку акцент все еще делается на технологической составляющей работы системы электронных контрактов и наличии формальных каналов обратной связи с гражданами (горячих линий), что подтверждается данными социологического опроса. Наиболее значимый итог — усиление антикоррупционного дискурса, пропаганда принципов сотрудничества и персональной гражданской ответственности.

В.А. Гуроров
(факультет политологии СПбГУ)

Элиты и образование: опыт политико-теоретического анализа

Еще в конце XX – начале XXI вв. один из наиболее примечательных моментов современного политического дискурса состоял в том, что ученые и политики редко обращали внимание на проблему, каким образом влиятельные социальные группы обеспечивают себе институциональные и практические преимущества в сфере образования. Масс-медиа также, как правило, проявляли крайнюю «тактичность» и сдержанность в этом плане. Отсутствие у специалистов в области образования сколько-нибудь ярко выраженного интереса к проблемам социального неравенства было характерно как для западной, так и для отечественной политической науки, в особенности в тех ее сегментах, которые были связаны с различными вопросами «перехода к демократии» бывших социалистических стран (см. например: *Elites and Democratic Development in Russia*. Ed. by A. Steen, V. Gel'man. London; New York: Routledge, 2008. p. 142-145). Анализ психологических и социологических аспектов такого рода «перепадов внимания» является делом будущего. На данный момент следует отметить, что подобная ситуация в науке наблюдалась далеко не всегда. Так, еще в 1950 -е гг. Ч.Р. Миллз отмечал, что элитные школы являются «наиболее важной структурой для передачи по наследству высших социальных классов и регулирования допуска к новому богатству» (Mills C. W. *The power elite*. London: Oxford University Press, 1956. P. 64-65). Основываясь на анализе Миллза, Питер Куксон и Каролин Перселл в середине 1980-х гг. стали проводить исследование большого количества закрытых учебных заведений (boarding schools) и пришли к аналогичным заключениям. Они фокусировали внимание на том, как именно элитные школы воспроизводят элитарный класс в порядке наследования власти и привилегий. В частности, они доказывали, что комбинация «философий, программ и стилей жизни» представляет собой своеобразный «ритуал», дающий учащимся «право прохода» (rite of passage), но одновременно лишаящий их ощущения самих себя и тем самым способствующий развитию различных форм приверженности по отношению к

другим представителям элиты (см.: Cookson P. W., Persell C. H. Preparing for power: America's elite boarding schools. New York: Basic Books. 1985. p. 4). В наши дни обозначенная выше традиция социологического анализа постепенно восстанавливается и имеет хорошие шансы вновь занять достойное место в междисциплинарных исследованиях (см., например: Courtois A. Elite Schooling and Social Inequality: Privilege and Power in Ireland's Top Private Schools. London: Palgrave Macmillan, 2018).

А.Б. Даугавет
(Социологический институт РАН – филиал ФНИСЦ РАН)

Институционализация регионального парламента и дискурс власти

Социально-политический порядок в России в настоящее время можно характеризовать как закрепление неформальных политических институтов и доминирование дискурса, поддерживающего монополию и централизацию власти. Это явилось результатом постепенной легитимации данного дискурса в процессе многолетней институционализации вертикальной модели на федеральном и региональном уровнях.

Если в процессе административной реформы, стартовавшей в начале века, схема управления в регионах свелась к единой схеме – подчинения парламентам региональным администрациям, встроенным в федеральную вертикаль, – то в переходный период (примерно до 2000-2004) в стране существовало значительное региональное разнообразие моделей взаимоотношения ветвей власти и элитных групп. Согласно экспертным оценкам, с самого начала постсоветской эпохи Санкт-Петербург отличался напряженным противостоянием ветвей власти и наиболее долгим, по сравнению с другими регионами России, сохранением парламентской оппозиции, поэтому стремительное изменение модели власти требует объяснения на уровне изучения глубинных институциональных процессов, включая анализ неформальных практик и дискурса.

Материалом для исследования этих феноменов может служить деятельность представительного органа и его взаимодействие с исполнительной властью в переходный период (I и II созывы Законодательного собрания, 1994-2002 годы). Учреждение института парламента на федеральном и региональном уровнях (Указом президента 1993 года и Положением мэра Петербурга 1994), проводимое исполнительной властью в контексте политического кризиса конца 1993 года, продолжило конфликт ветвей власти в Петербурге. В течение срока полномочий первого и второго созывов он трансформировалось в противостояние двух коалиций внутри законодательного собрания, сопряженное фактически с противоборством двух несовместимых институциональных концепций парламента. Самоорганизация собрания, особенно интенсивная в его первом составе, включала внутреннее структурирование, создание регламента, выстраивание отношений с исполнительной властью и сопровождалась интенсивным формированием неформальных практик и столкновением антагонистических дискурсов.

В фокусе доклада – анализ этих феноменов институционализации, с акцентом на дискурсивной составляющей практик, в которой отражается

столкновение альтернативных институциональных проектов в условиях институциональной неопределенности переходного периода.

А.В. Дука
(Социологический институт РАН – филиал ФНИСЦ РАН,
Факультет политологии СПбГУ)

Сообщество элит в пространстве скандала: (случай генерала Золотова)

Вызов на дуэль А.А. Навального генералом армии В.В. Золотовым 11 сентября 2018 года на первый взгляд кажется событием экстраординарным и экстравагантным. Бурная реакция части общественности через несколько дней утихла, многочисленные комментарии стали историей одного из скандалов. Из видимых политических последствий можно указать на активность одного депутата Госдумы, предложившего законопроект о дуэлях. Сам же Алексей Навальный только 24 сентября впервые прокомментировал заявление Виктора Золотова.

Это событие высвечивает существенные проблемы бытования власти в России и структурирование политического процесса. В докладе будут рассмотрены некоторых из них:

- Институционализация социально-политического порядка (включая институционализацию властных групп).
- Организация социального пространства.
- (Само)идентификации участников политического процесса.
- Проблема политической морали и морального порядка.
- Легитимность и легитимация социально-политического порядка и активности политических акторов.

Как видно, все указанные проблемы достаточно сильно связаны друг с другом. Надо заметить, что наша страна не является чем-то из ряда вон выходящей. Исследователи отмечают, что для современной политики скандалы, коррупция и кризис легитимности являются существенными компонентами. Именно поэтому можно говорить об общих принципах институционализации и функционирования социетальных порядков.

Первоначально будут рассмотрены методолого-методические вопросы, касающиеся прояснения того, какого рода явление рассматривается и какова его эпистемологическая и социальная пространственно-временная определенность. Это: идентификация события, участники, стороны «события»; контекст; статус события; содержание события; квалификация события (в каком социальном пространстве оно происходит, и что значит).

Скандал является одной из форм борьбы социальных групп и, одновременно, механизмом культурной и институциональной динамики. Он связан с «резким отклонением от нормы». В этом отношении он противостоит институционализации и институциональности, поскольку скандал в процессе своего развертывания разрушает существующую упорядоченность и нормированность. Важным его свойством является публичность. С этим связано и развитие публик(и). Взаимоотношение элиты и публики создает помимо прочего пространство скандала.

Скандалу 11 сентября предшествовал скандал 23 августа (публикация ФБК доклада о коррупции в Росгвардии), что позволяет рассматривать эти два события как две части одного дрящегося скандала. Фиксируемая двойная трансгрессия демонстрирует слабую институционализированность образцов и норм поведения. В большей степени это касается генерала Золотова. Смещение контекстов и ролей генералом объяснимо в силу именно недостатка институционализации политического (включая властный) порядка. Если Навальный сознательно и целеустремленно атакует систему, то Золотов просто не понимает системного смысла своей акции. Ролевое поведение генерала в системе порядков неустойчиво, так как его интенции нерелевантны сложившимся практикам и частично опираются на миф «офицерской чести» и корпоративность, социальную особость. Он рассматривает свое индивидуальное существование как корпоративно-профессиональное. То есть он не делает различия между своим приватным Я и профессионально-ролевым Я. Проблема заключается также в том, что не институционализированы и не интериоризированы формы ответа на диффамацию за исключением силовых. Отсюда и неадекватность генеральского демарша. Соперники существуют в различных социальных пространствах. Переход в поле морали только усугубляет положение.

Анализ показывает, что публичное пространство не вполне публично. То есть его институционализация как пространства современной политики и гражданского взаимодействия не завершилось. Становление публик (в смысле Г. Тарда) частично не произошло. Скандалы в современной России не являются основанием для реагирования гражданского и политического общества. Так было с Сердюковым и Васильевой, разоблачениями Насти Рыбки, с сексуальным скандалом с депутатом Госдумы Е. Слуцким, со вскрытием наличия у политической элиты собственности за рубежом, сомнительных родственных связей и проч. Одновременно, такое «опривычивание» скандала ведет к размыванию норм и действует ослабляюще на институциональные порядки. Более того, они делегитимизируются.

Вместе с тем, можно говорить, что в публичном пространстве действие на публику, привлечение публики, действие самой публики производит значимый эффект. В этом отношении публичная фигура в этом пространстве, безусловно переигрывает (полу)закрытые бюрократические персоны. Однако, административная непубличная система в (полу)закрытых обществах оказывается более успешной. Во всяком случае, в краткосрочной перспективе.

К.Ф. Завершинский
(факультет политологии СПбГУ)

Политическая повседневность российских правящих элит: символические формы и практики репрезентации

В исследованиях специфики политической культуры российских элит на периферии исследований отечественных авторов остаются междисциплинарные стратегии современной культур-социологии и культурной антропологии в области изучения роли символических репрезентаций социально-политической повседневности в легитимации принимаемых ими решений. Структуры

повседневного знания, выступают своего рода «плавающим тиглем» («воплощенным знанием»), особым типом знания, обеспечивающим связь «сакральной», «высокой», «официальной», «элитарной» культуры и «профанного» знания и практик (Вальденфельс Б.). При этом повседневность не следует понимать «календарно» как реестр простых и очевидных для всех типизаций, возникающих в процессе «повторений», а осмыслять в терминах конкретно-исторических, комплексных форм групповой идентичности и их символических репрезентаций. Особенность повседневного знания в том, что оно «объективируется», интериоризируется посредством специфических форм сигнификации и символизации (Бергер П., Лукман Т.), связанных с телесно-чувственным существованием человека. Практики повседневности всегда сопряжены с символизацией действий социальных элит по легитимации социополитического порядка в целях контроля за коллективным поведением в группах и сообществе в целом. При этом политические мифы и ритуалы, обеспечивая символизацию практик политического доминирования на уровне повседневности являются важным и необходимым звеном как традиционных, так и современных политических коммуникаций.

Подобный способ исследования политической культуры правящих элит позволяет рассматривать ее как «социальную память», символические структуры («сети смыслов») которой укорены в повседневных практиках, обеспечивающих возникновение «некоторых заведомо известных “предположений” о реальности, которые не нужно специально вводить в коммуникацию и обосновывать в ней» (Н.Луман). Спецификация обозначенных теоретических посылок к предметной области политической повседневности российских политических элит позволяет интерпретировать ее как значимый семантический компонент политической памяти, воспроизводящийся посредством символизации многообразных мифо-ритуальных, мнемонических практик. Такие символические выражения отношений между людьми и установления «равновесия» между организациями как «дарения», сбор средств, секулярные и сакральные ритуалы, приемы гостей и т.п. значимы «для ассоциаций и стабильности сообщества» (Уорнер У.).

Повседневное в наши дни все чаще является не порождением жизненных состояний или переживаний коллективных субъектов, а становится «фабрикацией самоочевидного и близкого через локализацию неизвестного и далекого» [Филиппов А. Ф.]. Современные практики легитимации элитами своего доминирования в условиях «биополитического разброса суверенитета» (Nadesan M.) и произвольного репутационно-имиджевого брендинга, принципиально меняет динамику символических форм повседневности, которые все более утрачивают функцию стабилизации и отбора, «оповседневнивания» жизненно необходимых «новаций». Подобная тенденция на деконструкцию более традиционных форм повседневности в результате символической экспансии стандартов массового общества, более чем актуальна для современной России, стоящей перед вызовами разрушения этнополитической идентичности и рисками глобализации.

**Идеологема 1552 года в постсоветском Татарстане:
версия элит и массовые представления**

В результате распада СССР на постсоветском пространстве наблюдается бурное развитие национальных и региональных версий исторического прошлого как в ныне независимых государствах СНГ, так и в регионах (в первую очередь республиках) Российской Федерации (Аймермахер, Бордюгов 1999; Бомсдорф, Бордюгов 2009; Шнирельман 2003; Миллер, Липман 2012). Не является исключением в этом ряду и Республика Татарстан. В последние десятилетия элиты Татарстана были активно вовлечены в создание национальной истории татарского народа и Татарстана (Rorlich 1999; Исхаков 1999; Davis et al. 2000; Shnirelman 1996; Шнирельман 2002; 2016; Zverev 2002; Усманова 2003; Овчинников 2010; 2015).

Одной из важных идеологем национальной истории, конструируемой элитами постсоветского Татарстана, является идея потерянной в 1552 г. и вновь обретенной в 1990-е гг. государственности (Сагитова 1998; Zverev 2002; Хаким 2007). По мнению Р. Хакимова, история государственности является «стержневой проблемой» татарской истории (Хаким 2007: 236). Поэтому неслучайно то, что одной из ключевых дат выступает 1552 год – год взятия Казани войсками Ивана Грозного. В версии элит эта дата преподносится как самая трагическая страница в истории татарского народа.

Возникает исследовательский вопрос. Каким образом версия национальной истории татарского народа (в том числе идеологема 1552 года), создаваемая интеллектуальной элитой при поддержке политических элит влияет на исторические представления простых жителей Татарстана? Мы можем встретить два альтернативных взгляда на проблему влияния татарской национальной идеологии: 1) «татаризации» и 2) «национальных анклавов». В рамках первой точки зрения можно выделить в свою очередь ещё три позиции: «татаризации сверху», «татаризации снизу» и «встречной татаризации». О «татаризации сверху» говорит Раис Сулейманов. По его мнению, в Татарстане выросло поколение молодых татар, «которое всё, что ассоциируется с Россией, стремится унижить и оскорбить. Их возраст колеблется от 18 до 35 и выше, однако есть общая черта - они росли во время правления Минтимера Шаймиева, в эпоху разгула сепаратизма и борьбы "за суверенитет". Они - это мои соплеменники, но те, кто впитал мировоззренческие установки учебников и литературы по истории Татарстана, подготовленных местными историками, с посылом о "вечной освободительной войне татарского народа" и "русских оккупантах". Все они приняли "философию" татарского национал-сепаратизма, которая была мейнстримом общественно-политической жизни республики того времени» (Сулейманов 2014). Антрополог А. Фридли пишет о том, что господствующей идеологией татарстанских элит является идеология мультикультурализма и на примере татарской молодежи Казани показывает, что «татаризация города» происходит скорее снизу на различных молодежных сценах (музыкальные коллективы, группы в интернете и т.д.) (Friedli 2012). Антрополог Х. Фаллер рассуждает о существовании двух автономных дискурсивных миров русскоязычных и татароязычных жителей и процесс «татаризации» происходил как сверху, так и снизу (Faller 2011). В качестве

альтернативы идеи «татаризации» предлагается идея «национальных анклавов» (Alvarez Veinguer 2007; Alvarez Veinguer, Davis 2007). В соответствии с этой точкой зрения татарские идеологи достигли весьма скромных результатов, и их влияние распространяется лишь на «национальные анклавы» (например, татарские гимназии). Важно отметить, что сторонники обоих взглядов опираются либо на собственные экспертные оценки (Сулейманов 2014), либо на результаты антропологических исследований, проведенных с помощью качественных методов (Alvarez Veinguer 2007; Alvarez Veinguer, Davis 2007; Faller 2011; Friedli 2012). По сути эти две точки зрения могут выступить в качестве гипотез для количественного социологического исследования. Проверим эти гипотезы на примере идеологемы 1552 года.

В данном докладе мы опираемся на эмпирические результаты коллективного проекта ««Войны памяти» и «конвенции памяти» в постсоветском Татарстане: элитарные версии исторического прошлого и массовые представления» (Центр культурных исследований постсоциализма Казанского федерального университета при поддержке Программы развития партнерских центров Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013 – 2014). В рамках этого проекта было проведено 170 интервью и анкетный опрос (N=1000).

Отвечая на вопрос, «Какими событиями в истории Татарстана вы гордитесь больше всего?», 31,2% жителей Казани выбрали вариант «Победа в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов», среди казанцев-татар этот вариант выбрали 28,4%. В то же время оборона Казани в 1552 году вызывает гордость только у 8% казанцев и 8,4% казанцев-татар. Отвечая на вопрос «Какие события вы считаете самыми трагическими событиями в истории Татарстана?», 34,2% жителей Казани и 32% казанцев-татар выбрали вариант «Великая Отечественная война 1941-1945 годов». Войну в Афганистане указали 16,6% казанцев и 14,8% казанцев-татар. В то же время падение Казани в 1552 году считают трагической страницей в истории Татарстана только 8,8% казанцев и 11,6% казанцев-татар. Еще можно привести данные по оценке роли Ивана Грозного. Так, отвечая на вопрос «Как вы оцениваете роль следующих исторических личностей в истории Татарстана?», 36% казанцев и 34,2% казанцев-татар считают, что Иван Грозный сыграл положительную роль в истории Татарстана. Таким образом, по результатам этого проекта можно говорить только о «частичной татаризации» или формировании отдельных «национальных анклавов».

Н.В. Колесник

(Социологический институт РАН – филиал ФНИСЦ РАН)

Политтехнологи в структуре избирательных кампаний российских регионов

Современные избирательные кампании в российских регионах важны не только как демократическая процедура, но и как важный механизм в воспроизводстве региональной элиты. Политические и экономические процессы, которые произошли в постперестроечной России, оказали заметное влияние на рынок профессий, что фиксируется большинством социальных исследователей, работающих в парадигме социологии профессий. "Открытие российской

политики", хронологически совпадающее с приходом к власти Б. Ельцина, привнесло в повседневный обиход не только комплекс новых политических инструментов и политический тезаурус, но и нового субъекта политики – политтехнолога. Проблема исследования избирательных кампаний в современной России с позиций рынка предполагает рассмотрение трех взаимосвязанных элементов: избирательной кампании как рынка обменов, ключевых игроков, их интересы и формы взаимодействия. Среди главных субъектов избирательной кампании выступают политические технологи, которые часто формируют повестку дня предвыборного процесса на региональном и федеральном уровнях. Исследовательский интерес представляют те профессиональные группы/общности, которые неизбежно вовлечены в политический процесс, в частности, политтехнологи, профессия которых слабо артикулирована в российских социальных науках. Вне поля зрения остаются вопросы об источниках рекрутирования, социально-экономическом статусе, особенностях профессиональных траекторий после завершения карьеры политтехнолога.

А.В. Корниенко
(Социологический институт РАН – филиал ФНИСЦ РАН)

Предвыборный партийный дискурс в метафорическом измерении

В докладе представлены результаты социологического исследования по анализу метафорической составляющей предвыборного партийного дискурса – предвыборных изданий партий-участниц выборов в Госдуму 2016 г. Целевой установкой исследования являлись ответы на вопросы, каким группам и типам метафор отдает предпочтение современная российская политическая элита непосредственно в ходе борьбы за власть, как эти предпочтения характеризуют политическое сознание кандидатов от партий и каким образом намеренно используемые политическими лидерами метафоры влияют на формирование современной национальной картины мира. Фокусом внимания были избраны три ментальные сферы-мишени: «выборы», «политика» (политическая деятельность) и «современная Россия». Эмпирическую базу исследования составили печатные издания партий-участниц выборов, общим объемом 756 единиц анализа, ориентированные на широкий круг избирателей: газеты, листовки, справочные материалы. Исследование разворачивалось на базе социально-конструктивистского подхода (П. Бергер, Т. Лукман), теоретический фундамент эмпирического анализа задавала теория концептуальной метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона. Доклад раскрывает принципиальные отличия метафорических профилей правящей партии, с одной стороны, и партий-претендентов, с другой.

А.В. Куприянов
**(Национальный исследовательский университет – Высшая школа экономики,
Санкт-Петербург)**

Большие данные, архивы видеозаписей и электоральные биографии: три предложения по изучению "загадочного русского избирателя"

Изучение поведения избирателей в России в последние годы оказалось в фокусе дебатов между сторонниками гипотезы о массовых фальсификациях и сторонниками гипотезы о загадочном и труднопредсказуемом поведении российских избирателей. Сторонники гипотезы о массовых фальсификациях апеллируют к ничтожно малой вероятности возникновения "естественным путем" паттернов, наблюдаемых ими в больших данных по результатам голосования на избирательных участках. Сторонники гипотезы о загадочном и непредсказуемом поведении российских избирателей – к малоизвестным нам реалиям электорального поведения. Как кажется, пора сделать определенные шаги на пути от прогнозирования результатов выборов к изучению загадочного поведения избирателей. На материале прошедших выборов рассматриваются несколько взаимодополняющих методов, позволяющих создать более нюансированную картину естественного электорального поведения: (1) Анализ больших данных из регионов со стабильной или относительно стабильной репутацией. (2) Анализ массивов видеозаписей с избирательных участков. (3) Анализ "электоральных биографий". В сообщении обсуждаются некоторые результаты анализа, ограничения этих методов и возможности, которые они открывают.

Н.Ю. Лапина
(ИНИОН РАН)

Время Макрона: кто пришел к власти во Франции?

Французский президент обещал совершить революцию и открыть политику для новых людей. С приходом к власти Э. Макрона во Франции действительно произошла «элитная революция», столь масштабного изменения в элите национального уровня не происходило с 1958 г. Политики, пришедшие во власть в 1980-1990 – е годы, сформированные внутри партий и партийных аппаратов, политическую арену покинули. Парламент обновился на две трети, в него пришли люди, никогда прежде политикой не занимавшиеся. Правительство впервые было сформировано не по политическому принципу, в него вошли профессионалы, представители гражданского общества, технократы. В докладе анализируются сдвиги в составе французской политической элиты, профиль членов кабинета министров и депутатского корпуса. Исследуются карьерные траектории представителей нового поколения элиты.

В современной Франции сосуществуют два политических мира – новый и старый. Старый мир частично, но не полностью разрушен. Его представители остаются в политике, в частности местной, либо ушли в тень в надежде создать

новые партии и движения. Кто-то меняет свой облик в поисках новых карьерных путей. Новый политический мир еще не окончательно сформировался. Будущее во многом зависит от того, насколько президенту Макрону удастся превратить созданную им партию «Вперед, Республика!» в настоящую политическую силу, которая сможет противостоять мощной волне радикального националистического популизма и также одержать победу на предстоящих европейских и местных выборах и подготовить перевыборы президента в 2022 г.

В.Г. Ледяев

(Национальный исследовательский университет – Высшая школа экономики)

Городские режимы в российских малых городах

В докладе представлены результаты эмпирического исследования в пяти малых городах России. Режимы в их классической (стоуновской) интерпретации (с определенными допущениями) были обнаружены только в двух городах. В них имели место кросс-секторальные коалиции, включенные в процесс принятия решений в городских сообществах, включавших в себя наиболее влиятельных представителей локальной политико-административной и экономической элит; при этом по ряду характеристик они заметно отличались от режимов в американских и европейских городах (часто не вполне добровольный характер партнерства со стороны бизнеса; превалирование эгоистических интересов во взаимоотношениях между бизнесом и политико-административной элитой; сильная персональная составляющая режимов, во многом определяющая их стабильность и повестку; отсутствие формальных организаций, обеспечивающих площадку для согласования интересов участников коалиции и явное превалирование неформальных отношений над формальными). В трех других локальных сообществах городские режимы не сложились в силу персонального фактора, частой сменяемости руководителей местного самоуправления, специфического влияния внешнего фактора). В публичной повестке режимов (квазирежимов), как и ожидалось, превалируют элементы статус-кво и, в меньшей степени, роста.

Отсутствие городского режима в российских малых городах может свидетельствовать о том, что реальная власть сосредоточена в руках узкой группы руководителей города, или их фактическом альянсе с региональными акторами, или о своеобразном квазирежиме, возникающем при слабых, зависимых и ориентированных в основном на свое собственное благополучие руководителях города, сопровождающимся усилением роли криминала и регулярным внешним вмешательством. Грани, отделяющие обозначенные выше случаи от режимов в двух других городах не являются жесткими, а последние не в полной мере соответствуют стоуновским критериям городского режима.

Полученные результаты позволяют заключить, что несмотря на авторитарную природу российской политики и отличия российского социального, политического и культурного контекстов от американских и западноевропейских, модель анализа городских режимов вполне успешно применима для объяснения специфики и характера власти на локальном уровне.

А.И.Солженицын как элитист

А.И. Солженицын может быть охарактеризован по-разному: традиционалист, антисоветчик, антикоммунист, националист и т.д. Анализ политических воззрений А.И.Солженицына позволяет с большой долей вероятности характеризовать его как элитиста.

Источники воззрений А.И.Солженицына носят исторически обусловленный характер:

1) Русская философская и политическая мысль 19-начала 20 вв. веков, преимущественно консервативного толка: Ив. А. Ильин, Владимир Соловьев, Г. П. Федотов, С. А. Левицкий, Б. Н. Чичерин, В. В. Розанов, С. Л. Франк, В. О. Ключевский, П. И. Новгородцев.

2) Российские писатели: Г. Успенский, Ф. Достоевский, М. Н. Катков, А.К. Толстой.

3) Российские политики: С. Е. Крыжановский, М. П. Драгоманов, П. И. Шувалов, В.А. Маклаков, Д.Н. Шипов, П.А. Столыпин, В. В. Леонтович, Л.Тихомиров, П.Н. Милюков, И В. Гессен, С.Ю. Витте

4) Мыслители Запада: Платон, Аристотель, Тит Ливий, О.Шпенглер, Монтескье, К. Поппер, А.Токвиль, Дж. С. Милль, И.Шумпетер, Папа Иоанн-Павел II и др.

Общий подход, который использовал А.И. Солженицын при анализе взглядов других авторов:

а) критика демократии и ее основных институтов, в том числе в западном варианте демократии;

б) анализ политического развития с позиций консервативного, традиционалистского подходов.

В своих политических произведениях А.И. Солженицын обнаруживает сходство взглядов с позициями Г.Моска, В.Парето, Н.Бердяевым, Р.Михельсом, особенно – в критике демократии, партий, выборной системы.

Прослеживается близость взглядов А.И. Солженицына к нормативному подходу в элитологии. Для него главная проблема – проблема морального (нравственного) авторитета, с помощью которого будет конструироваться власть. Нравственная сила должна решать вопрос не по большинству, а «по справедливости», для блага всех.

Именно с таких позиций А.И.Солженицын оценивает советскую номенклатуру: «развращенный правящий класс». Оценка базируется на нравственной оценке анализа практической деятельности правящего класса, которая характеризуется как бюрократическая, грабительская, деятельность «тунеядная». В определенном смысле, можно говорить о переключке идей А.И. Солженицына с идеями М.Восленского, М.Джиласа.

Для А.И. Солженицына крайне важна нравственная составляющая перехода к новому обществу, который не возможен без «собственного публичного раскаяния» КПСС. Новую модель власти постсоветской России А.И. Солженицын строит на основе формирования морального властного авторитета, который в качестве главного критерия своего существования устанавливает самоограничение.

Соборность как основа нравственной власти и элиты, которые действуют по воле органа, олицетворяющего «народную совесть».

Главное противоречие во взглядах Солженицына на власть и правящий класс заключается в том, что предлагая новую конструкцию власти, он предлагает создать контролируемую силу, которая имеет исключительные права в отношении всех органов государственной власти. Эта контролирующая сила, созданная из лучших людей общества, в свою очередь подконтрольна только самой себе. Механизмы формирования данной контролирующей силы Солженицыным не были предложены. Как ни парадоксально, во многом его взгляды копировали структуру власти советского общества, но в его консервативном варианте и в новой понятийной оболочке.

П.В. Панов

(Пермский федеральный исследовательский центр УрО РАН)

Элитные конфликты в условиях конкурсной модели рекрутирования глав муниципалитетов

Из множества новаций, которые были введены на новом этапе реформирования МСУ в 2014-15 гг., особое значение имеют две. Во-первых, право определять институциональную структуру МСУ (из имеющихся в Федеральном законе вариантов) было передано региональным органам власти. Во-вторых, была введена новая модель – избрание глав МО по конкурсу. Применительно к муниципальным районам и городским округам половина членов конкурсной комиссии назначается представительным органом соответствующего муниципального образования, а другая половина – губернатором, как и в случае с комиссией по назначению сити-менеджера, но здесь речь идет не о главе администрации, как это было и ранее, а именно о главах муниципалитетов. Конкурсная комиссия отбирает двух кандидатов, а депутаты представительного органа МСУ «избирают» из них главу МО, который непосредственно возглавляет администрацию. Из всех возможных вариантов данная модель дает губернатору максимально возможные рычаги влияния на рекрутирование глав муниципалитетов. Не удивительно, что региональные власти активно используют конкурсную модель, чтобы усилить контроль над МСУ.

Введение конкурсной модели имеет существенные последствия для трансформации элитных отношений как на локальном уровне, так и по линии вертикали власти (регион – муниципалитет). Уже отмечалось ранее, что в условиях конкурсной модели усиливается роль депутатов представительных органов МСУ, возрастает значимость персональных факторов локальной политики. Кроме того, происходят изменения в характеристиках элитных конфликтов. Основным источником конфликтов при проведении конкурсов на главу МО, очевидно, являются различные предпочтения элитных групп относительно кандидатов на должность главы. На основе собранного в ходе исследования эмпирического материала по проведению конкурсов на главы МО в Пермском крае, Свердловской и Челябинской областях в докладе будут определены наиболее типичные разновидности элитных конфликтов по двум измерениям. Во-первых, с точки зрения конфигурации сторон конфликта: а) конфликты между «правлящей» в

муниципалитете и «оппозиционной» элитной группой / группами (депутаты представительного органа МСУ отказываются выбирать действующего главу); б) конфликты между губернатором и влиятельной локальной элитной группой / группами (депутаты представительного органа МСУ отказывают в поддержку кандидату губернатора); в) конфликты между различными группировками в окружении губернатора, в которые также вовлечены представители локальных элитных групп. Во-вторых, с точки зрения стратегий, которые применяются сторонами конфликта для его разрешения: а) компромиссная; б) силовая; в) многоходовые комбинации; г) открытый срыв конкурса.

Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РФФИ-ОГОН №17-13-59003 «Институциональные модели рекрутирования глав муниципальных образований и трансформация межэлитных взаимоотношений (Пермский край в сравнительной перспективе)».

Р.И. Петрова

(Пермский федеральный исследовательский центр УрО РАН)

Типы неформальных практик при рекрутировании глав МСУ по конкурсной системе

Неформальные практики существуют фактически в каждом институте, в данном случае предпринята попытка проанализировать соотношения формальных и неформальных практик сквозь призму новой модели рекрутирования глав муниципальных образований, т.н. конкурсную модель. Новая модель (новые институциональные рамки) формирования корпуса глав муниципальных образований продуцировала новые формы взаимоотношений между локальной и региональной элитой, в том числе и новые неформальные практики. В свою очередь спектр неформальных практик расширился за счет включения в процесс большего числа участников: часть комиссии, формируется представительным органом власти и, как правило, состоит из местных чиновников; депутаты представительного органа, которые голосуют за финалистов конкурса и определяют победителя.

В качестве базового используется подход в исследовании неформальных институтов, предложенный Стивеном Левитски и Гретхен Хелмке. Авторами представлен комплексный и разносторонний анализ в определении неформальных институтов, а также выделены типологии соотношения формальных и неформальных институтов и практик. Сделана попытка наложить выделенные авторами типы неформальных институтов на проявившиеся в ходе конкурсных процедур неформальные институты и практики. Определены эффекты от соотношения формальных и неформальных практик.

Ю.А. Пустовойт
(Сибирский институт управления – филиал РАНХиГС)

Земля и воля: городские режимы и протестные сообщества в сибирских городах

Исследование направлено на изучение взаимодействия властных групп и протестных сообществ, рассматриваемых в рамках концепции городских политических режимов. На основании количества ключевых акторов и их отношения к безличным нормам выделены два основных типа городских политических режимов: режим «контроля» и режим «координации». Хотя в целом, на уровне городов сложилась система неформальных правил, во многом совпадающая с характеристиками «политической машины», построенной на личных интересах участников коалиций, в одних случаях, при режиме «контроля» есть монополия и персонификация власти, в других, в режиме «координации» есть политическая конкуренция и выработка некоторых безличных правил политической борьбы.

Под «протестным сообществом» мы понимаем совокупность индивидов, объединённых общей реакцией неприятия той или иной ситуации и участвующих в той или иной форме в протестных событиях. По направленности они могут ориентироваться на решение местных локальных проблем («земля») или на политическую федеральную повестку дня («воля»). На основе анализа протестных мероприятий в городах Сибири (общероссийские митинги «12 июня» 2017 г. и «9 сентября» 2018 г.), где сравнивались отношение местных властей (согласован - не согласован), число участников и число задержанных, наблюдения и интервью с активистами протестного движения, хода и итогов голосования 9 сентября, были сделаны предварительные выводы о взаимосвязи городского политического режима и протестной активности.

Общественность становится влиятельным субъектом и способна объединяться и отстаивать свои интересы пока только в крупных, промышленных самостоятельных, университетских городах, где сложившиеся властные коалиции ориентированы скорее на экономические, чем на политические цели, есть некоторое «силовое» равновесие элит, существует противостояние региональных и городских властей, и достигнут некоторый относительный уровень экономического благополучия «режим координации».

Городские активисты способны создавать эффективные «протестные сообщества», если в их состав входят люди, обладающие политическим и административным опытом, есть политически неангажированные властью городские средства массовой информации, и силовые ведомства не проявляют особой активности в политической борьбе.

Исследование проводится в рамках поддержанного РФФИ проекта «Как создается протест? Пространства, символы и лидеры протестных сообществ в городах Сибири» №18-011-0866

Значимость архаики в политике и государственном управлении России

Несколько переформулируя А.С. Ахиезера, под архаизацией общества и государства будем понимать следование общества и органов государственной власти как субъектов культурным образцам и программам, сложившимся в предшествующих современным культурах, а в российских условиях, как правило, относящихся к периодам древнего и средневекового мира [1, 89]. В современной России необходимость формирования новых институтов после распада СССР в 1991 году привела к возврату «к старым идеям, оправдавшим себя во времена прошлых кризисов» [1, 89]. По этой причине в современной России при принятии политических и государственных решений зачастую используются не новые, а архаичные институты, неадекватные вызовам современного мира. А во многих случаях новые, по форме модернизированные институты используются для поддержки старых, архаичных способов осуществления политики и государственного управления.

При этом, безусловно, архаизация российского общества и государства не является единственной тенденцией их развития, она смешивается с достижениями современных технологий и современных способов организации общества, экономики и государственности [1, 90]. Но в современной России именно архаизация общества и государства стала существенным и даже доминирующим фактором принятия и исполнения решений в политике и государственном управлении.

Так в современной России, как это было в течение многих столетий, «государство воплощает некоторую идею стабильности, трансляцию сложившегося порядка во времени» [2, 35]. Этой стабильности от государства ожидают и политики, и граждане, и это признак архаики в их сознании и социальном поведении. Высокая ценность стабильности характерна для традиционных обществ, в которых «присутствует ориентация на поддержание один раз найденного стабильного и устойчивого состояния» [4, с. 22]. Такое общество либо находится «в имманентно статичном состоянии», либо при наличии условий среды осуществляет «экстенсивное развитие» [4, с. 22].

Однако в реальности стабильность в современном российском обществе и государстве поддерживать не удаётся. Сложность современных проблем, которые вынужденно должно решать государство, вынуждает органы власти эту стабильность постоянно нарушать. В качестве примеров таких нарушений в политике можно привести постоянные изменения законодательства и правоприменительной практики в политике – в сфере выборов и деятельности политических партий, а в государственном управлении – в сферах пенсионной системы, образования и здравоохранения. Эти нарушения стабильности негативно оцениваются большинством общества, создают проблемы должностным лицам государственной службы. И может показаться, что эти нарушения стабильности свидетельствуют о поисках органами государственной власти новых институтов, которые могли бы обеспечить модернизацию страны. Но изменения в политике и государственном управлении России, принимаемые политиками и государственными деятелями решения скорее свидетельствуют о развитии в нашей

стране отношений и неформальных институтов, весьма сходных с феодальными. И именно такие институты используются для решений сложных проблем в различных областях.

А.В. Рябов указывает на следующие такого типа институты: условный характер частной собственности и обладание ею как награда, как привилегия за служение государству; развитие рентной экономики и рентные отношения на государственной службе, когда чиновники получают должности для служения государству вместе с извлечением ренты для личного обогащения за такое служение. А для реализации такой ренты чиновниками практически все российские бизнесы поставлены в сильную зависимость от государства, точнее от чиновников соответствующих уровней управления, и владение частными бизнесами также поставлено в качестве условия служения этим чиновникам[3, 4]. Значимость ренты приводит к стремлению большинства и чиновников, и бизнесменов использовать старые технологии, уже приносящие ренту, а не внедрять новые, связанные с рисками потери ренты и только возможностями получения новых статей доходов в государственный бюджет и прибыли, сопряжённых с новыми рисками. И в результате, например, внедрение современных информационных технологий в системы управления не приносит того эффекта, который замечен в развитых странах Запада. Причина в том, что российские управленцы и их подчинённые пытаются использовать эти технологии для поддержки старых, архаичных способов управления, стремясь избегать угроз и рисков развития, а потому не готовясь к противодействию им.

Архаизация российского общества и государства проявляется также в высокой ценности так называемой «вертикали власти», т.е. выстраивания всех отношений в государстве по иерархии с подчинением нижестоящих субъектов своим сюзеренам. В массовое сознание внедряется представление о том, что вся «вертикаль власти» служит государству. Но скорее в этой вертикали действует феодальный принцип «вассал моего вассала – не мой вассал». Например, региональные органы власти скорее служат руководителям регионов, чем федеральным, а федеральным органам власти для обеспечения служения своим руководителям приходится формировать региональные управления и другие структуры федеральных органов власти в регионах.

Архаизация общества негативно влияет на сознание и социальные практики граждан. Традиционные и советские способы социализации и идентификации потеряли былую определённость или были разрушены. А формирующиеся институты в силу архаизации являются неадекватными для обеспечения жизни и деятельности в современном мире из-за их противоречивости и неопределённости. В этих условиях для большинства российских граждан стала характерна аномия, которую можно понимать как отказ от следования нормам и правилам социального поведения, подчинения безличным институтам. Аномия ведёт к снижению уровня институционального и межличностного доверия в обществе, к проявлениям агрессии к другим гражданам, к органам власти, к социальным институтам, способствует уходу от реальности в пьянство, наркоманию, виртуальность, поддерживает разрушительные для общества и государства явления, в первую очередь, преступность и коррупцию.

Реализуемая политика развития в современной России приводит к расширению архаизации общества и государства и потому к их неконкурентоспособности в мире. И при этом ни в обществе, ни в органах власти,

ни среди экспертов в нашей стране нет ни обсуждений архаизации общества и государства, ни, следовательно, поиска методов постепенного отказа от неё и обеспечения реальной модернизации страны.

Литература:

1. Ахиезер А.С. Архаизация в российском обществе как методологическая проблема // *Общественные науки и современность*. 2001. № 2. С. 89-100. URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/407/860/1231/009aHIEZER.pdf>
2. Ахиезер А. С. Россия: некоторые проблемы социокультурной динамики // *Мир России*, [S.l.], т. 4, № 1, с. 3-56, дек. 2010. URL: <https://mirros.hse.ru/article/view/5508/5895>
3. Рябов А.В. Возрождение феодальной «архаики» в современной России: практика и идеи // *Рабочие тетради. Working Paper*. М.: Московский центр Карнеги. 2008. № 4. – 16 с.
4. Яковенко И.Г. *Познание России: цивилизационный анализ*. М. 2017. Издание 3-е, дополненное. – М.: Издательство «Знание», 2017. – 642 с. URL: <http://novznania.ru/pdf/Yakovenko-Poznanie-Print-2.pdf>

А.И. Соловьев

(факультет государственного управления МГУ)

Правящая политическая элита современной России: «великий перелом»?

Понятие «правлящей элиты» на протяжении последнего столетия уверенно лидировало при характеристике управляющего обществом меньшинства, демонстрируя свои эвристические преимущества перед «правлящим классом», «руководящим меньшинством», «руководством» (1, с. 713) или разнообразными новомодными определениями - «техноструктурой», «милитократией» и др. Правда, такие эпистемологические приоритеты нередко упускали из вида, что функционал правящей элиты неразрывно связан с деятельностью публичных институтов, представительством интересов населения (включая их способность к продуцированию массовых ценностей), а также с механизмами принятия политических решений.

Однако такие функционально-ролевые нагрузки требуют рассмотрения «правлящих элит» в качестве не постоянной, а исторической аттестации правящего меньшинства, особенно заметной в условиях «зависшего» отечественного транзита, где хронические болезни авторитаризма соседствуют с новейшими методами укрепления господства правящего класса. И такое отношение более чем обосновано, учитывая не прекращающийся на протяжении десятилетий кризис представительной системы, снижение качества публичных институтов, непрерывное умножение серых схем партикулярного присвоения чиновниками общественных благ, избирательное применение законов, качественное расширение зоны институциональной коррупции и т.д. Суммарным показателем такой «профессиональной» деятельности правящей элиты стало качественное углубление социального размежевания, где нарастающая бедность населения соседствует с непрерывным обогащением государственных топ-менеджеров, распоряжающихся народными средствами (и что по-своему подпитывает даже тенденцию

формирования отечественной аристократии), а также со снижением авторитета государственной власти.

Как показывает опыт, важнейшими источниками таких трансформаций и в системе правления, и в отношениях государства и общества являются не только и не столько институциональные пустоты, коррупционные вето-пространства, ограниченность подотчетности властей, практики конструирования договорных целей и привилегированных групп. Более существенной причиной (в том числе и причиной названных деформаций) является формирование латентного сетевого ландшафта, взявшего под контроль механизмы принятия ключевых политических решений. По сути, именно сетевые коалиции правящего класса превратились в фактических контролеров «узлов» принятия решений. Другими словами, в стране сформировалось «неформальное», «второе неофициальное государство» (Йордан, Ричардсон) в виде латентного сектора управления, скрывающего машину реальной власти, вытеснившей граждан и их представителей на глубокую периферию политики и создавшей ювелирные схемы «честного отъема» денег у населения.

Создание этой системы сетевого криптоправления по сути утвердило новую форму господства правящего меньшинства, то есть, ту «клиентелистскую систему» взаимосвязей, которая «порождает формирование эндогенной сети», отражающей «поток распределенных ... ресурсов» «вне [официальной – авт.] системы управления». Однако формирование перестраивающейся иерархии в сетевой ландшафт, в т.н. «стратархию» (Дж.Сартори) означает не столько появление в государства новых вершин (сетевой власти), сколько перестраивание «узлов» государственных решений в целях уничтожения общегражданского интереса как источника политических решений.

Сетевые ассоциации правящего класса перестраивают вокруг себя все пространство управления по горизонтальным плоскостям, что впоследствии знаменует и переустройство власти по всем фронтам. Возникновение сетевых властных топосов, самоподдерживающих связей внутри «узлов» принятия решений У.Бек называл «распадом политики». То есть, тем процессом, который означает бессмысленность представительства и даже публичных форм взаимодействия государства и общества. Вместо этих привычных форм и механизмов общество сталкивается с всемерным распространением диффузных сетей производителей решений, в результате чего даже деление на управляющих и управляемых становится недостаточным. (2, с. 56-65).

Коротко говоря, сетевые коалиции элиты, формируясь в микросреде правящего класса и вытесняя на периферию гражданские структуры, становятся источником фундаментальных изменений на макро уровне, в самой системе организации общественной власти в государстве.

Но изменение деловой среды принятия решений и усиление роли патрон-клиентской этики (сменившей общегражданские ценности) означает как трансформацию государственного управления, так и сущностных параметров правящего меньшинства. Коротко говоря, под влиянием сетевой архитектуры меньшинство превращается в бенефициаров (получающих от своих методов управления социальные выплаты, привилегии, ресурсы), контролеров и проектировщиков решений, брокеров, «играющих» на общественные ресурсы. При этом механизмы и процедуры публичного оспаривания власти превращаются даже не в сопутствующий механизм рекрутирования власть предержащих, а в инструмент символического прикрытия каналов сетевого распределения ресурсов.

Это хорошо заметно на фоне угасания политической воли для борьбы с теневыми доходами и отмыванием средств или же усилий властей, стремящихся компенсировать убытки частным корпорациям, попавшим под западные санкции. Естественно, вместо борьбы с бедностью...

Итак, коротко говоря, сегодня на фоне усиления фиктивного характера представительских функций элиты и снижения эффективности ее активности в рамках публичных институтов, активно перестраивается и система управления, и само правящее меньшинство. И хотя ряд ученых говорит лишь о «бунте элит» или их кратковременном выпадении из под контроля общества (А.Некlessа), или же о перспективах развития общества под давлением нового слоя элит - «элит развития» (Л.Тимофеева), налицо качественная трансформация этого правящего слоя.

Все больше системных фактов, подтверждающих тот факт, что российское общество сталкивается не с разложением элиты, а с ее превращением в новый вид правящего меньшинства. Меньшинства, для которого открыты неформальные каналы перехода в стан – не официальных, а – ключевых лиц, принимающих решения. Так что, получая свой бенефит, российские элиты уже не вернутся к традиционным формам и функциям правления. Они уже перескочили через эту историческую ступеньку, освоив не только серые схемы российского управления государством, но и возможности информационного века, превратившись тем самым, в некую «постэлиту». И вопрос лишь в том, насколько быстро эти «передовые» формы господства станут образцом для подражания в странах западной демократии.

Литература:

1. *Сартори Дж. Пересматривая теорию демократии // Антология мировой политической мысли в 5 т., т. 2, с. 713*
2. *Smith M.J. Pressure, Power and policy. Hemel Hempstead: Harvester Wheatsheaf. 1993. pp.56-65*

Д.Б. Тев

(Социологический институт РАН – филиал ФНИСЦ РАН)

Члены правительства РФ: особенности карьеры после отставки

Постправительственная карьера - значимый предмет исследования, поскольку ее знание, в некоторой степени, позволяет выяснить роль правительственного поста в карьере, оценить устойчивость членства в элите и степень элитной интеграции, понять поведение членов правительства во время пребывания в должности, выявить особенности данной общественно-политической системы, включая взаимоотношения исполнительной власти с парламентом, бизнесом и другими институтами.

Эмпирической основой проведенного исследования явилась база данных, включающая биографические анкеты на членов постсоветских, действовавших с ноября 1991 г., правительств России, которые, по состоянию на август 2017 г. хотя бы однажды были из высшего органа исполнительной власти.

Исследование показало, что одним из основных каналов постправительственной карьеры и важнейшим местом работы сразу после ухода из правительства служат административные структуры федерального уровня. Опыт работы в федеральной администрации имеет большинство бывших членов правительства, при этом лишь немногие работали в региональных администрациях, прежде всего, на посту губернатора. В частности, правительственная должность является важным трамплином для занятия ключевых постов в администрации президента, которая, в свою очередь, выступает источником рекрутирования правительственных деятелей, что свидетельствует о значительной степени интеграции правительственной элиты и высокопоставленной президентской бюрократии.

Важным каналом постправительственной карьеры выступает бизнес: большинство бывших членов правительства имеют опыт работы в коммерческих структурах на различных должностях (топ-менеджеры, члены совета директоров, советники и пр.). В некоторых случаях правительственные должности служили прямым трамплином для занятия позиций в бизнесе, хотя, в отличие от административных структур, чаще переходы туда были косвенными. Существенное меньшинство занимало различные посты в крупнейших компаниях общероссийского уровня. Непосредственные и косвенные переходы правительственных деятелей в крупный бизнес - показатель интеграции правительственной и экономической элит России. Востребованность правительственных деятелей в бизнесе может, отчасти, отражать специфику сложившегося в России «кумовского капитализма», при котором политические связи играют важнейшую роль в накоплении капитала. Также таким переходам может благоприятствовать наличие очень значительного госсектора в крупном бизнесе (в частности, в энергетической, транспортной, банковской отраслях). В свою очередь, тот факт, что занятость (в тех или иных формах) в коммерческих структурах является типичной для карьеры бывших членов правительства, может способствовать тому, чтобы их политика в период пребывания в должности была дружественной по отношению к бизнесу.

В сравнении с административными структурами и бизнесом, представительные органы выступают менее значимым каналом постправительственной карьеры. Существенное распространение среди бывших членов правительства получил опыт работы, главным образом, в федеральном парламенте, особенно, Госдуме, при этом совсем немногие заседали в представительных органах более низкого уровня. Переходы членов правительства в общенациональную легислатуру, как и вхождение парламентариев в правительство, происходят значительно реже, чем в большинстве стран Европы. В некоторой степени, это, вероятно, отражает особенности формы правления: Россия не относится к парламентским демократиям, для которых типичны рекрутирование министров из парламента и их возвращение в него после отставки. Представляется, что характерные для России слабость и зависимость легислатуры при сверхконцентрации власти в руках президента, ее малозначимость в качестве источника рекрутирования членов правительства, запрет на совмещение парламентской и правительственной позиций - все это не благоприятствует тому, чтобы правительственные деятели после отставки оказывались в парламенте.

В целом, члены правительства после отставки, за редким исключением, имели опыт работы на ключевых должностях в различных организациях (включая

учреждения образования, науки, здравоохранения и культуры, политические партии, ассоциации и пр.). Причем в подавляющем большинстве они занимали в то или иное время такие позиции, которые позволяют отнести их к элитам разного уровня (федеральной, региональной) и функциональной специализации (административной, экономической, политической и пр.). Таким образом, уход с правительственной должности, даже если и знаменует карьерный спад, чаще всего не ведет к полному окончанию элитной карьеры, которая может продолжаться или через некоторое время возобновляться, как в федеральной администрации, так и в других институциональных секторах.

А.Е. Чирикова
(Институт социологии ФНИСЦ РАН)

Муниципальная власть: мотивация акторов и паттерны взаимодействия с регионалами

В настоящем докладе на основе эмпирических материалов, проведенных в 5-ти российских городах будут рассмотрены мотивация ключевых акторов городской политики, описаны и проанализированы основные проблемы муниципальной власти на сегодняшний период, описаны паттерны взаимодействия с регионалами, которые продолжают оставаться в муниципалитетах достаточно вариативными. Аналитические обобщения, в докладе будут строиться на материалах эмпирического исследования, базирующегося на материалах:

- глубинного интервью с муниципальными элитами и экспертами в 5 малых российских городах и двух районах в трех регионах: Пермском Крае, Ивановской и Тамбовской областях. Всего проведено 76 интервью с элитой муниципальной власти, бизнеса, экспертами (2012-2016гг)

- на исследованиях муниципальной власти в 2018 году в этих же городах. Всего проведено 40 интервью.

Цель исследования:

- рассмотреть комплекс проблем муниципальной власти в их собственных оценках и мотивацию ее основных акторов

- описать паттерны взаимодействия региональной и муниципальной власти, в зависимости от городской специфики

Полученные эмпирические результаты позволяют с осторожностью говорить о том, что кризис 2014 года привел уже сегодня к повышению нагрузки на муниципальную власть. Это значительно усложнит ее работу и в дальнейшем, если она не научится извлекать из него выгоду.

В худшем варианте кризис будет сопровождаться нарастанием уязвимости муниципальных элит, актуализацией их слабых мест: «В кризисной ситуации мы тушим пожары».

Как следствие — возрастет турбулентность муниципальных элит, а их горизонты планирования, с известной долей вероятности, еще более снизят свой масштаб. Это означает, что они будут еще более зависимы от регионалов и федерального центра.

Круг проблем, которые выделяются руководителями муниципалитетов, как основные, можно разделить на две группы: проблемы, на которые они могут

влиять, но не влияют, и проблемы, решение которых зависит от более высоких уровней власти.

Застойный характер проблем, которые не решаются вышестоящими уровнями, приводит к тому, что муниципалы в ответ не решают тех вопросов, которые они бы вполне могли решить самостоятельно: инертность института муниципальной власти, бюрократизация, низкая скорость принятия решений, развитость неформальных практик, феномен власти для своих и др. Причина – низкий уровень мотивации муниципальных служащих и эффект эмоционального выгорания.

Важным фактором эмоционального выгорания муниципалов служит, по их оценкам, негативный образ муниципальной власти, сложившийся в глазах регионалов. Региональные руководители, в свою очередь, не отрицают слабости муниципальной власти, но далеко не всегда имеют четкую картину развития муниципалитетов. Основная проблема для регионалов сегодня – это поиск адекватных руководителей муниципалитетов, которая не всегда решается удачно. Проблема выработки адекватных стимулов для их работы есть вторая не менее важная проблема.

Тем не менее, практики взаимодействия регионалов с муниципалами продолжают оставаться весьма вариативными и направленными не на перспективу, а на решение текущих проблем. Среди таких практик эмпирически выделяются:

- Практика эпизодического вмешательства
- Практика тотального контроля
- Практика взаимного неприятия
- Практика ресурсного доминирования

Тем не менее, ни одна из исследованных практик не является оптимальной. Каждая из них определяется ситуацией «AD HOC»

Основные выводы, которые позволяют сделать проведенное эмпирическое исследование:

- Региональная власть в условиях кризиса будет наращивать тотальный контроль над муниципалитетами как ответ на требования ФЦ. Хотя вряд ли она сможет реализовать этот контроль в полном объеме.
- Основная задача муниципалитетов на ближайший год – сдерживать протест и обеспечить нужное голосование. Как следствие – сворачивание других важных направлений работы муниципалитетов.
- Низкий кадровый потенциал муниципальной власти может стать реальной угрозой управляемости территориями. Однако ресурсов для его качественного роста сегодня нет ни у одного субъекта власти
- Не исключено, что в муниципальную власть на руководящие должности будут предлагаться женщины, как более исполнительные фигуры, в сравнении с мужчинами. Особенно заметно это будет в бедных территориях.
- Регионалы, оставаясь ответственными лицами на своей территории, вряд ли возьмут на себя все бремя ответственности за ситуацию в муниципалитетах. Поэтому в любом случае руководителям муниципалитетов придется выкручивать из кризиса с опорой на собственные ресурсы. Именно поэтому их личностные и профессиональные ресурсы становятся в этой ситуации все более определяющими.

Список участников
Семнадцатого Всероссийского семинара «Социологические проблемы
институтов власти в условиях российской трансформации»,
25-27 октября 2018 года, Санкт-Петербург

<i>Ф.И.О.</i>	<i>Город, контакт</i>	<i>Место работы</i>	<i>Степень, звание, должность</i>
<i>Докладчики</i>			
Ачкасов Валерий Алексеевич	С.-Петербург val-achkasov@yandex.ru	Санкт-Петербургский госуд. ун-т, фак-т политологии	Д.полит.н., профессор, зав.кафедрой международных политических процессов
Барсукова Светлана Юрьевна	Москва svbars@mail.ru	Нац. исслед. ун-т – Высшая школа экономики	Доктор соц. наук, проф. каф. экономической социологии
Белоусов Григорий Федорович	Москва gregory.belousov@mail.ru	Московский государственный университет, ф-т политологии	Специалист по учебно-методической работе кафедры российской политики
Быстрова Алла Сергеевна	С.-Петербург abc_46@mail.ru	Социологический институт РАН	К.эконом.н., старш.н.сотр. Сектора социологии власти и гражданского общества
Волкова Анна Владимировна	С.-Петербург AV.Volkova@rambler.ru	Санкт-Петербургский гос. ун-т, ф-т политологии	Д.полит.н., зам. декана, доц. каф. политического управления
Гуторов Владимир Александрович	С.-Петербург gut-50@mail.ru	Санкт-Петербургский гос. ун-т, ф-т политологии	Д.филос.н., профессор, зав. каф. теории и философии политики
Даугавет Александра Борисовна	С.-Петербург a.daugavet@socinst.ru	Социологический институт РАН	Научный сотрудник Сектора социологии власти и гражданского общества
Дука Александр Владимирович	С.-Петербург a_duka@mail.ru	Социологический институт РАН; СПбГУ, ф-т политологии	К.полит.н., зав. Сектором социологии власти и гражданского общества; доцент
Завершинский Константин Федорович	С.-Петербург zavershinskiy200@mail.ru	Санкт-Петербургский гос. ун-т, ф-т политологии	Д.полит.н., профессор каф. теории и философии политики
Карбаинов Николай Иванович	С.-Петербург nkarbainov@gmail.com	Социологический институт РАН	Научный сотрудник Сектора истории российской социологии
Колесник Наталья Владимировна	С.-Петербург n.kolesnik@socinst.ru	Социологический институт РАН	К.социолог.н., доцент, ученый секретарь
Корниенко Алла Владимировна	С.-Петербург mmtmo@mail.ru	Социологический институт РАН	Научный сотрудник Сектора социологии власти и гражданского общества

Куприянов Алексей Валерьевич	С.-Петербург akouprianov@hse.ru	Нац. исслед. ун-т - Высшая школа экономики (СПб. филиал)	К. биолог. наук, доц. департамента социологии
Лапина Наталья Юрьевна	Москва lapina_n@mail.ru	Институт научной информации по общественным наукам РАН	Д.полит.н., руководитель отдела глобальных проблем
Ледяев Валерий Георгиевич	Москва valeri_ledyaev@mail.ru	Нац. исслед. ун-т – Высшая школа экономики	Д.филол.н., профессор кафедры анализа социальных институтов
Мохов Виктор Павлович	Пермь mvpperm@gmail.com	Пермский национальный исследователь-ский политехнический университет	Д.истор.н., профессор, декан гуманитарного факультета
Панов Петр Вячеславович	Пермь petrpanov@yandex.ru	Пермский федеральный исследовательский центр УрО РАН	Д.полит.н., главный науч. сотрудник отдела по исследованию политических институтов и процессов
Петрова Регина Игоревна	Пермь rance.regina@mail.ru	Пермский федеральный исследовательский центр УрО РАН	Старший лаборант – исследователь, аспирант отдела по исследованию политических институтов и процессов
Пустовойт Юрий Александрович	Новосибирск pustovoit1963@gmail.com	Сибирский ин-т управления – филиал РАНХиГС	к.полит.н., доцент каф. политических наук и технологий
Римский Владимир Львович	Москва rim@indem.ru , vrim@yandex.ru	Фонд "Информатика для демократии" (ИНДЕМ)	Зав.отделом социологии
Соловьев Александр Иванович	Москва. alesol@mail.ru , alekssol21@gmail.com	Московский государственный университет, ф-т государственного управления	Д.полит.н., проф., зав.каф. политического анализа
Тев Денис Борисович	С.-Петербург denis_tev@mail.ru	Социологический институт РАН	К.социолог.н., старший научный сотрудник Сектора социологии власти и гражданского общества
Чирикова Алла Евгеньевна	Москва chirikova_a@mail.ru	Институт социологии РАН	Д.социологич.н., главный научный сотрудник Сектора исследований личности

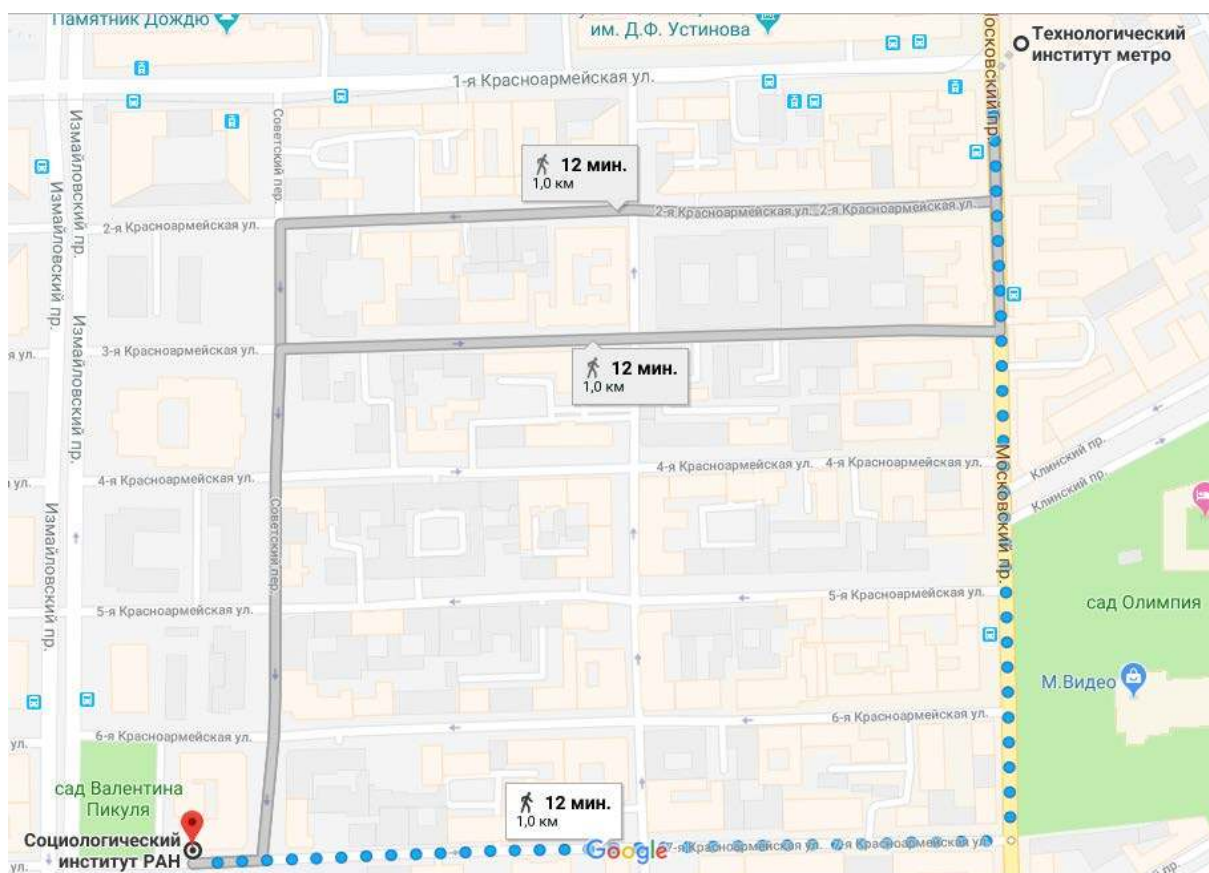
<i>Участники дискуссии</i>			
Невский Андрей Владимирович	С.-Петербург anevskij@yandex.ru	Социологический институт РАН	Младший научный сотрудник Сектора социологии власти и гражданского общества
Орех Екатерина Александровна	С.-Петербург katuscha78@mail.ru	Санкт-Петербургский государственный университет, ф-т социологии	К.соц.н., доцент кафедры теории и истории социологии
Сафронов Вячеслав Владимирович	С.-Петербург vsafonov@list.ru	Социологический институт РАН	старший научный сотрудник Сектора социологии власти и гражданского общества
Степашев Александр Викторович	С.-Петербург alexander.stepashov@gmail.com	Социологический институт РАН	аспирант, мл.н.с. Сектора социологии власти и гражданского общества
Тарусин Павел Владимирович	Москва. Tarusin@spa.msu.ru , lemarais@mail.ru	Московский государственный университет, факультет государственного управления	К.полит.н., ассистент. Кафедра политического анализа.
Флягин Артем Михайлович	С.-Петербург artemflyag@mail.com	Социологический институт РАН	Младший научный сотрудник сектора социологии власти и гражданского общества

Адрес проведения конференции

Социологический институт РАН – филиал ФНИСЦ РАН

Санкт-Петербург, ул. 7 Красноармейская, дом 25/14, 5 этаж

Станция метро: Технологический институт-1, Технологический институт-2

Как добраться из аэропорта в Санкт-Петербург

Аэропорт «Пулково» - ст. метро «Московская» (общественный транспорт)

- (1) Автобус 39 отправляется каждые 10-20 минут от аэропорта Пулково с 5:22 до 1:36. Стоимость: 40 рублей (наличные, транспортная карта «Подорожник», Pay Pass)
- (2) Автобус 39э (экспресс) отправляется каждые 25-30 минут от аэропорта Пулково с 5:30 до 0:13. Стоимость: 40 рублей (наличные, транспортная карта «Подорожник», Pay Pass)
- (3) Маршрутка К39 отправляется каждые 5 минут с 7:00 до 23:30. Стоимость: 40 рублей (наличные, транспортная карта «Подорожник»)

Стоимость проезда в метрополитене Санкт-Петербурга – 45 рублей (покупка жетона: наличные, карта; турникеты оборудованы проходом с помощью Pay Pass, транспортной карты «Подорожник»). Время работы: большинство станций ≈ с 5:40 до 00:20.

Аэропорт «Пулково» - Санкт-Петербург (такси)

- (1) Uber, вызов через мобильное приложение
- (2) Yandex-такси, вызов через мобильное приложение
- (3) Gett, вызов через мобильное приложение
- (4) «Таксовичкоф», телефон: +7 812 333-00-00
- (5) «Народное такси», телефон: +7 812 401-11-11
- (6) «Везет», телефон: +7 812 318-0-318
- (7) «Петербургское такси 068», телефон: +7 800 550-0-068, +7 812 324-77-77

Цена поездки: от 600 рублей в зависимости от места назначения.